

Министерство образования и науки Российской Федерации
Коми государственный педагогический институт
Сыктывкарское культурологическое общество

**Семиозис и культура:
интеллектуальные практики**

Монография

Сыктывкар
2013

Глава II. Культурология социального

Проект глобальной культуры: Pro et contra

Понятия, которые обозначаются терминами «общечеловеческая культура» и «глобальная культура», сходны по содержанию. Однако представляется, что в понятии «глобальная культура» в большей степени выражена идея проективности, устремлённости в будущее, тогда как понятие «общечеловеческая культура» более тесно связано с такими смыслами, как «констатация», «выявление общего, того, что существует в реальности». При этом само собой разумеется, что идея проективности отнюдь не чужда содержанию понятия «общечеловеческая культура», а идея констатации в той же мере не чужда понятию «глобальная культура». Речь идет не о коренном различии, а лишь о той мере, в какой названные смыслы присутствуют в содержании понятий «общечеловеческая культура» и «глобальная культура».

Проблематика «глобальной культуры» связана в международной дискуссии с именами Э. Смита и А. Аппадуря. Первый из них исходит из понимания культуры как «коллективного образа жизни, репертуара верований, стилей, ценностей и символов» [2:1]. В связи с этим Э. Смит полагает, что понятие культуры имеет конвенциональный характер, в реальности существуют только отдельные культуры, которые соответствуют определённому социальному времени и пространству, территории проживания конкретного этноса, нации, народа. В этом методологическом контексте сама идея «глобальной культуры» представляется лишённой абсурдной [2:1], поскольку глобальная культура оказывается лишённой всех существенных признаков культуры: она внеисторична, не располагает своей сакральной территорией, не отражает какую-либо идентичность, не воспроизводит никакой общей памяти поколений, не содержит перспектив будущего, у неё нет исторических носителей, но есть создатель – новый культурный империализм глобального размаха [2:5].

Каждое из этих «обвинений» в адрес самой идеи «глобальной культуры» заслуживает отдельного рассмотрения. Начнем с первого – внеисторичность глобальной культуры. Однако если рассматривать мировую историю непредвзято, то можно отчётливо увидеть в ней неуклонно усиливающуюся тенденцию к объединению разрозненных человеческих сообществ в целостное образование. Наиболее острая проблема современ-

ности как раз заключается в том, чтобы, поддерживая тенденцию к объединению, сохранить при этом разнообразие культур, которое является общим богатством человечества.

Обвинение в адрес «глобальной культуры», заключающееся в том, что она не имеет своей сакральной территории, можно опровергнуть, как представляется, легко и немногословно – у глобальной культуры есть сакральная территория – это планета Земля. Со времени первого полёта человека в космос эта мысль стала достоянием едва ли не каждого человека.

Не выдерживает критики и тезис Э. Смита, заключающийся в том, что идея глобальной культуры не отражает какую-либо идентичность. Как известно, в мировой культуре существуют понятия, которые достаточно полно выражают всепланетную форму идентичности – это понятие «человек», «человечество».

Более подробного рассмотрения требует положение Э. Смита о том, что у глобальной культуры нет никакой общей памяти поколений, а память об опыте колониализма и трагедиях мировых войн – это история свидетельств раскола и трагедий идеалов гуманизма. Надо признать, что здесь имеет место быть суровая констатация реальных фактов. Однако у действительности есть и другая сторона – это история дружественных союзов народов и государств, история создания и функционирования международных организаций и общественных движений планетарного масштаба. И речь, видимо, должна идти о необходимости блокирования тенденции к расколу и конфронтации и поддержке тенденции к диалогу, полилогу, объединению.

Идея Э. Смита о том, что глобальная культура не имеет перспектив будущего, интересна тем, что таким образом обращается внимание на необходимость этого компонента, т.е. проспекта или проекта будущего как неотъемлемого атрибута каждой культуры.

И, наконец, обсуждение тезиса Э. Смита о том, что у глобальной культуры нет исторических носителей, но есть создатель – новый культурный империализм глобального масштаба, – придаёт проблематике глобальной культуры предельную остроту и актуальность. Надо признать, что в настоящее время наиболее активным носителем и создателем глобальной культуры выступают те силы, которые заинтересованы в осуществлении негативных сторон глобализации, каковыми являются стандартизация и унификация. Однако, признавая весомость приведенных Э. Смитом аргументов, нельзя не увидеть, что они не столько показывают вредность глобальной культуры, сколько убеждают в необходимости создания проекта глобальной культуры, альтернативного тому, за которым стоят интересы транснациональных корпораций.

Несколько иная трактовка проблемы глобальной культуры представлена в концепции А. Аппадуря. Глобальная культура видится им как постоянно меняющаяся комбинация взаимодействия пяти пространств: этнопространства, формируемого СМИ, технопоространства, формируемого

технологиями, финансового пространства, где основным фактором являются денежные потоки, и, наконец, пространства идей, основными составляющими которого являются государственные идеологии и идеологии общественных движений. В терминологии А. Аппадуря все эти пространства глобальной культуры имеют названия этноскейп, медиаскейп, техноскейп, финансскейп, идеоскейп.

В этой конструкции обращает на себя внимание то обстоятельство, что идеоскейп – пространство идей – выделен в качестве самостоятельного фактора формирования глобальной культуры. Весомость этой идеи увеличивается в связи с тем, что одним из лейтмотивов книги А. Аппадуря, в которой представлена его концепция [1], является констатация того факта, что в современной социальной жизни небывало высокое значение имеет воображение. При этом автор подчёркивает, что, в отличие от фантазии, несущей в себе «...неустрашимые коннотации мечтаний, отстраненных от проектов и действий», воображение имеет «...проективный смысл, смысл прелюдии к деятельности, самовыражению того или иного рода» [10:58]. В связи с этим А. Аппадуря делает чрезвычайно важную констатацию, заключающуюся в том, что, хотя проекции в прошлое по-прежнему релевантны современной политике воображения, однако концепции будущего сегодня играют в групповой политике намного большую роль.

Из рассмотрения концепции глобальной культуры Э. Смита и А. Аппадуря можно сделать, по меньшей мере, два вывода. Первый из них заключается в том, что идея глобальной культуры действительно может быть использована как орудие культурного империализма. Однако, как известно, любой бытовой предмет может найти своё применение не только по своему прямому назначению, но и как орудие членовредительства и даже убийства. Понимание этого не заставляет нас отказываться от полезных вещей. Точно так же и с идеями.

Второй вывод заключается в том, что идея глобальной культуры высвечивает необходимость её проектирования, создания образов будущего, которые могли бы стать побудительным мотивом конструктивных и солидарных действий различных человеческих сообществ.

Проблематика, связанная с идеей глобальной культуры, нашла своё место и в отечественном научно-философском дискурсе, в частности, в тематике X Международных Лихачевских чтений 13–14 мая 2010 г. «Диалог культур и партнерство цивилизаций. Становление глобальной культуры». Представляется, что наибольшего внимания в этом отношении заслуживает позиция академика А. А. Гусейнова. По его мнению, «...культура, как и народ, и государство, относится к такого рода явлениям, которые не могут существовать в единственном числе. Глобальная общность людей, если она возможна, возможна только как общность сверхкультурная, транскультурная. Она находится по ту сторону культур в их цивилизационной, религиозной, национальной выраженности... Глобальная общность людей или, точнее говоря, универсальная основа,

сплачивающая человечество в единое целое, возможна как сверхкультура» [3:62].

Термин «глобальная сверхкультура» представляется А. А. Гусейнову более предпочтительным, чем термин «глобальная культура», так как он «...сохраняя идею глобальности, в то же время подчёркивает, что глобальное практически-духовное единство человечества возникает посредством существующих культур, не стесняет их, не стирает их различий» [3:62].

Таким образом, анализ идейного материала, связанного с проблемой «глобальной культуры» показывает, что в настоящее время имеются, фактически, два проекта её построения. По чертежам одного из них глобальная культура должна быть предельно унифицированной и стандартизированной. Корни этого проекта в экономико-финансовой сфере. За ним стоят интересы транснациональных компаний, готовых весь мир превратить в конвейер по производству прибылей. Проект унификации и стандартизации органично вписывается в техноскейп, поскольку технологиям чужды культурные различия, а питательная почва финансскейпа обеспечивает прочные позиции в медиаскейпе. В пространстве идей проект стандартизации и унификации (он же проект культурного империализма) появляется как «заказное изделие», хорошо финансируемое и поддерживаемое СМИ.

Интересы человечества в реальном объединении, но при этом одновременно и в сохранении разнообразия культур, порождают необходимость проекта глобальной культуры, альтернативном тому, о котором речь шла выше. Условно его можно назвать «гуманистический». Контуры этого проекта ещё нечетливы, работа над ним только начинается. Совершенно очевидно, что местом его порождения может быть только пространство идей (идеоскейп). Рассчитывать на поддержку финансскейпа не приходится, но при этом совершенно необходимо тесное взаимодействие с СМИ (медиаскейпом).

В гуманистическом проекте необходимо предусмотреть, что несущие конструкции здания глобальной культуры должны быть выполнены из прочных материалов. Вероятно, прежде всего, здесь речь должна идти о ценностях, которые имеют объединяющий смысл и при этом уже достаточно укоренены в культуре. Представляется, что в этом качестве, прежде всего, нужно рассматривать такие ценности, как гармония, любовь, творческое деяние.

Аксиологический статус категории «гармония» определяется тем, что она имеет применение во всех видах деятельности, а также для характеристики всех видов субъект-субъектных и субъект-объектных отношений. Любопытно в связи с этим вспомнить происхождение самого слова «гармония». Первоначально оно обозначало скрепы, которыми соединялись отдельные части корабля. Например, в «Одиссее» Гомера сказано, что собираясь в путь, Одиссей обивал корабль гвоздями и «гармониями» [5:36]. Таким образом, в представлении древних греков гармоничным считалось то, что ладно скроено и крепко шито. Надо отметить, что в значении понятия

«гармония» сохранился первоначальный этимологический смысл слова, что бывает далеко не всегда. Отвлекаясь от частных случаев, можно дать следующее определение: гармония – это структурное свойство объекта, которое выражается в разнообразии и единстве составляющих его элементов.

Гармония как ценность находит своё признание во всех сферах социальной и культурной жизни. Прежде всего, это касается взаимоотношений человека и природы. О необходимости гармонии между ними очень выразительно говорил Печчеи, один из организаторов Римского клуба. В его статье, которую он диктовал за несколько часов до смерти, обращается внимание на то, что «гармония человека и природы отвечает не только сиюминутным интересам и задачам обозримого будущего, это ещё и великая культурная ценность» [8:7].

Не менее велико значение гармонии в межкультурных отношениях. Так, разнообразие цивилизаций и культур является богатством всего человечества, источником и условием его жизнеспособности. Однако, не будучи подкреплёно единством, это же разнообразие может стать и становится причиной бесконечных конфликтов и в конечном счёте может привести к гибели человечества.

Категория «гармония» находит себе применение и в политической сфере. Так, широко известный С. Хантингтон, прославившийся своей идеей «конфликта цивилизаций» [12,13], задолго до этого обратил на себя внимание книгой «Политический порядок в меняющихся обществах» (*Political Order in Changing Societies*, 1968 г.) В ней он отстаивал мысль, что обеспечить гармонию порядка и модернизации может только авторитарная власть, в связи с чем предметом обсуждения становились такие понятия как «авторитарная модернизация» и «авторитарный транзит» [14]. Иначе говоря, насколько актуальна эта проблематика в современной России.

Есть примеры использования категории «гармония», и именно в её аксиологическом статусе, для оценки культурных различий между странами, влияющими на направление и масштабы изменений, происходящих в этих странах. Так, один из участников симпозиума памяти С. Хантингтона (Москва, 2010 г.) Шварц в своём докладе отстаивал идею о том, что базовые культурные различия между странами можно уловить с помощью трёх основных показателей культуры, которые выводятся из преобладающих в обществе абстрактных ценностей: автономия против включенности, эгалитаризм против иерархии и гармония против господства. В докладе были описаны сами показатели, их теоретическое обоснование и способы измерения, а также представлена карта 75 стран, расположенных с учётом этих показателей. Было показано, как преобладающий уровень одного (как минимум) культурного показателя в 1990-е гг. выступал ограничителем или стимулом преобразований [9].

Перечисление сфер, где гармония имеет статус высшей ценности, можно продолжать до бесконечности: привычными являются разговоры о гармонии межличностных отношений, гармонии человека с самим собой,

гармонии личных и общественных интересов и т.д. Всё это убеждает в том, что гармония имеет статус универсальной ценности и потому может рассматриваться как одна из несущих конструкций здания глобальной культуры.

То же самое можно сказать и о такой ценности как «любовь». Излишне говорить о том, насколько глубоко тема любви укоренена в культуре. На первый взгляд, некоторым исключением представляется в этом отношении наука. Однако, на самом деле это не совсем так. Достаточно напомнить о деятельности Гарвардского исследовательского центра по созидательному альтруизму, организованного П. А. Сорокиным. Проект назывался «Таинственная энергия любви», ему знаменитый культуролог и социолог посвятил, начиная с 50-х гг. XX в., десять лет своей жизни [10].

Проблематика любви занимает и в экологической литературе весомое место. В знаменитой книге Донеллы Медоуз, Дениса Медоуз и др. «Пределы роста» [6] сказано, что для реализации перехода к устойчивому развитию должны быть мобилизованы такие лучшие качества, как любовь. Эта тема продолжена и в последующих работах этих авторов. В работе Д. Медоуза «Пределы роста. 30 лет спустя» проблематика любви получила развёрнутую аргументацию, которую имеет смысл воспроизвести в полном объёме. Так, автор подчёркивает, что «в современной механической культуре не принято говорить о любви – лишь иногда и только в самом романтическом или банальном смысле этого слова». И далее: «Любого, кто попытается обратиться к чувствам братской или сестринской любви, любви к человечеству в целом, к природе и колыбели нашей цивилизации – нашей планете, – скорее всего, просто засмеют, и уж точно не примут всерьёз. Ключевое различие между оптимистами и пессимистами – их мнение насчёт способности людей действовать слаженно благодаря любви. В обществе, которое поощряет индивидуализм, постоянно поддерживает конкурентную среду и ориентируется на краткосрочные цели, подавляющее большинство людей – пессимисты. Мы считаем, что индивидуализм и недалёковидность – самые серьёзные проблемы современной социальной системы, и это глубинная причина неустойчивости. Любовь и участие – гораздо более привлекательная альтернатива, если их признать и придать им социальный статус. Культура, которая не верит в человеческие качества, не обсуждает их и не развивает в людях, в этом отношении сильно страдает» [7].

Проблематика любви имеет прямое отношение к такому источнику социальной энергии, как патриотизм, к формированию такого человеческого качества, как трудолюбие, имеющего не только личное, но и глубокое общественное значение, любовь лежит в основе отношения человека ко всем сторонам его жизни, что отражено в таких понятиях, как «любимая земля», «любимый город», «любимые книги», «любимая музыка» и т.д.

Статус любви как ценности определяется тем, что она по самой своей сути способна обеспечивать интегративные процессы и при этом обладает

огромным энергетическим потенциалом. Его реализация возможна за счет включения в число системообразующих ценностей такого феномена, как творческое деяние.

Гармония, любовь, творческое деяние могут рассматриваться как принципы взаимоотношений человека со всеми элементами среды его жизнеобитания – природой, обществом, культурой, т.е. как принципы социокультурной антропозологии [4]. Принцип гармонии (разнообразие в единстве) даёт мировоззренческие рамки, в которых решается вопрос об отношении человека ко всем аспектам действительности, принцип любви указывает на источник эмоциональной энергии, который питает всю деятельность человека, принцип творческого деяния указывает на способ реализации первых двух принципов.

Следует подчеркнуть, что значение гармонии, любви, творческого деяния как самостоятельных ценностей многократно усиливается именно за счёт их соединения в триаду. Так, гармония вне союза с любовью и творческим деянием может остаться в области бесполезных мечтаний, любовь без гармонии и творческого деяния может стать демонической силой, деятельность, лишённая тепла, любви и чуждая гармонии, имеет результатом не созидание, а разрушение.

Триада «гармония, любовь, творческое деяние» может существовать в мировой культуре не «вместо», а «вместе» с другими конструкциями – «вера, надежда, любовь», «истина, добро, красота». Дальнейшее насыщение идейного пространства глобальной культуры позитивным материалом может и должно способствовать блокированию негативных тенденций глобализации и реализации гуманистического проекта глобальной культуры.

1. Appadurai Arjun. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis; London: Univ. Of Minnesota Press, 1996.
2. Глобальная культура и культурная «экспансия»: сайт. URL: <http://www.cult-web.ru/cult-webs-234-1.html>
3. Гусейнов А. А. Как возможна глобальная общность людей? // Диалог культур и партнерство цивилизаций. Становление глобальной культуры. X Международные Лихачёвские чтения 13–14 мая 2010 г. СПб., 2010. С. 62.
4. Круглова Л. К. Человек – Природа – Общество – Культура: социокультурная антропозология. СПб., 2013.
5. Лосев А. Ф., Шестаков В. П. История эстетических категорий. М.: Искусство, 1965.
6. Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рандерс Й., Беренс В. Пределы роста. М.: Изд-во МГУ, 1991.
7. Медоуз Д. Пределы роста. 30 лет спустя. М.: ИКЦ «Академкнига», 2007.
8. Печчеи А. Римский клуб – повестка дня на конец века // Лосев К. С. Мифы и заблуждения в экологии. 2-изд., доп. М.: Научный мир, 2011.

9. Симпозиум памяти Самюэля П. Хантингтона «Культура, культурные изменения и экономическое развитие», Государственный университет – Высшая школа экономики, 24–26 мая 2010 года: сайт. URL: <http://huntington.hse.ru/abs>

10. Сорокин П. А. Таинственная энергия любви // Социологические исследования. 1991. № 1.

11. Фурс В. Реферат. Арджун Алпадураи «Современность» на просторе: культурные измерения глобализации // Социологическое обозрение. Т. 3. № 4. 2003.

12. Хантингтон С. «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка»: сайт. URL: <http://grachev62.narod.ru/hantington/content.htm>

13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

14. Хантингтон и глобальная культура: ЭПОХА ПО ИМЕНИ ХАНТИНГТОН. Ч. I. «Столкновение цивилизаций» вместо «Конец истории», БРИТАНИЯ – США, Борьба мировых центров: сайт. URL: <http://www.win.ru.mht>

Культурная ситуация в постсоветской России

Крах СССР привел к возникновению на политической карте мира новой страны – Российской Федерации, представлявшей собой крайне пестрое по своему составу государственное образование, для которого были характерны: 1) высокая степень урбанизации – ¾ населения страны составляли городские жители; 2) деградация русской деревни из-за отсутствия необходимых для ее развития материальных, финансовых и людских ресурсов, что вело к глубокому кризису крестьянской культуры; 3) убыль населения в размере около миллиона человек в год, вызванная спадом рождаемости и ростом смертности; 4) маргинализация народа, падение уровня образования молодежи, часть которой в условиях кризиса и нищеты вынуждена была отказаться от учебы; 5) подъем национального самосознания, актуализация чувства принадлежности к определенной этнокультурной общности в условиях, когда ни одна административная или географическая единица России не являлась этнически гомогенной, и из 21 республики в составе России только в шести большинство населения составляла титульная нация; 5) религиозное возрождение и разнообразие, при котором религиозные водоразделы нередко совпадали с этно-национальными границами, что в условиях социальной нестабильности служило основой сепаратизма и угрозой распада России.

Перестройка российской государственности сопровождалась ослаблением централизации, идеологизации и унификации культурной жизни, управление которой было разделено между несколькими ведомствами: Министерством культуры, Государственным комитетом по физической культуре, спорту и туризму, Государственным комитетом по строи-